

общение П. Н. Беркова о Вицмане в статье: «Материалы для биографии А. Н. Радищева».¹⁷

При описании бунта 1767 года П. Гофман приводит слова князя Трубецкого, отказавшегося от имени всех студентов слушать лекции профессора Беме. И далее следует утверждение, будто студенты объявили, что они лекциям Беме предпочитают труд Мабли «Публичное право Европы», так как эта книга, по мнению всего света, определенно «содержит в себе гораздо больше, чем может быть сказано об этом предмете в каких бы то ни было лекциях» (стр. 342). Этот факт, действительно, имел место, но только не во время студенческого бунта 1767 года, а в 1771 году, когда Радищев, Янов, Рубановский и Кутузов написали письменный отказ от посещения лекций Беме.

Иногда в статье устанавливается причинно-следственная связь между фактами, в действительности ее не имеющими: общая о том, что 22 сентября 1766 года Екатерина II собственноручно составила инструкцию для воспитания молодых дворян, П. Гофман добавляет: «...отъезд из Санкт-Петербурга должен был еще на долгое время задержаться, так как (курсив наш, — М. А.) только 11 февраля 1767 года студенты прибыли в Лейпциг» (стр. 338). Прибытие студентов в Лейпциг в феврале 1767 года объясняется их задержкой не в Петербурге, а в пути. Это подтверждается рядом документов, где датой отъезда студентов из Петербурга называется 23 сентября 1766 года. В своем коллективном письме от 21 апреля 1767 года студенты также сообщают, что после долгого, очень утомительного, длившегося почти 5¹/₂ месяцев путешествия, они, наконец, достигли Лейпцига.

Сообщая о письме майора Бокума от 1 мая 1767 года, полным упреков и жалоб на студентов, П. Гофман пишет, что в нем называется Ф. Ушаков, который «благодаря своей прежней деятельности уже имел статский чин, соответствующий майорскому рангу. Бокум просил категорически поэтому (курсив наш, — М. А.) освободить его от надзора за этим студентом» (стр. 341). На самом деле Бокум просил освободить его от надзора за Ушаковым не потому, что он был в равном ему чине, а потому, что тот, якобы, совершенно не подчинялся, дурно влиял на всех остальных и вообще был главным виновником студенческого бунта и т. д.

Все сказанное отнюдь не умаляет значения статьи П. Гофмана, вносящей свою долю в исследование биографии Радищева. Можно только пожелать автору, чтобы он не бросил начатой темы, ибо лишь совместными усилиями советских и зарубежных

¹⁷ См.: Сб. «Радищев. Статьи и материалы», Л., 1950, стр. 222—227.